

Е.Л. Тихонова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

**Отражение концепции древлеправославия
в устной исторической прозе
старообрядцев Забайкалья (семейских)***

Консолидирующим началом любой человеческой общности являются ее культурные концепты, ценностные ориентации, представляющие собой совокупность религиозных, морально-этических, философских, эстетических, политических убеждений.

Известно, что одной из форм отражения культурных концептов, ценностных ориентаций того или иного этноса/субэтноса является фольклор¹, поскольку именно в фольклоре сконцентрирован нравственный, духовный и исторический опыт народа. Мы рассмотрим отражение в фольклоре, в частности, в исторической прозе и устных высказываниях одной субэтнической общности – старообрядцев Западного Забайкалья (семейских)², основного культурного концепта старообрядчества – древлеправославия.

Мировоззрение и его значимая составляющая – ценностные ориентации народа не являются понятиями константными, они во многом зависят от конкретных социально-экономических и политических условий существования этноса или, как в нашем случае, субэтноса. Обращая исторический взгляд на жизнь русского народа, понимаешь, что трудно эту жизнь назвать счастливой. Но печатью особого страдания отмечена жизнь русских людей, не отступившихся от отеческих церковных традиций и претерпевших за это и казни, и изгнания, и различного рода дискриминацию. Подобная история старообрядчества не могла не наложить существенный отпечаток на мировоззрение, мировосприятие самих старообрядцев, на их культуру.

Современные старообрядцы Забайкалья – семейские – находятся в процессе возрождения этноконфессионального самосознания, во многом утраченного во времена советской власти, когда важна была общенациональная идентичность³. Сегодня возрождение этноконфессиональной идентичности способствует возрождению традиционных ценностных ориентаций семейских, что отражается в том числе и в их фольклоре.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ РК № 06–04–62–401 а/г.

¹ Раньше по этому поводу модно было писать, что в фольклоре отражаются «беды и чаяния народа, его надежды и стремления» и проч.

² Причем должны оговориться, что тексты, которые мы берем для анализа, в разные годы записывались вовсе не с целью выявления ценностно-нормативных ориентаций семейских. Записи производились в ходе фольклорных экспедиций в старообрядческие села с целью выявления форм и функций бытования традиционного и современного фольклора семейских.

³ Нам не раз приходилось быть свидетелем того, как в советские времена семейские девушки, приезжая в город из сел, стеснялись того, что они семейские, и всячески это скрывали. А само слово «семейский/семейская», сказанное в чей-либо адрес, воспринималось как насмешливое, обидное.

Анализ устных народных рассказов семейских о своем прошлом, с реминисцентными оценочными высказываниями информантов по поводу прошлого и настоящего старообрядцев, позволяет выявить локализацию ценностных систем вокруг трех основных культурных концептов этой субэтнической группы – это Древлеправославие, Труд, Семья. Ориентируясь на дониконовские церковные традиции своих предков, ставя во главу угла труд и семейные ценности, старообрядцы Забайкалья долгое время сохраняли основные элементы базовой русской православной культуры. В данной статье мы остановимся на рассмотрении древлеправославия как основного ценностного ориентира в религиозно-бытовой жизни старообрядцев-семейских, отраженного в их фольклорных текстах.

В среде старообрядцев-семейских особенно свято сохранялись ценности духовного, религиозного характера. Религия являлась для них главным жизненным ориентиром, давала старообрядцам нравственные и физические силы в непростых жизненных ситуациях. Именно поэтому в рассказах старообрядцев о прошлом содержатся мотивы, обусловленные религиозной историей старообрядчества, такие как раскол веры, приверженность старым обрядам и обычаям, гонения на старообрядцев и некоторые другие.

Задавая вопросы семейским по поводу жизни их далеких и недалеких предков, мы, к сожалению, очень часто слышали в ответ, что, мол, мы этим в молодости не интересовались, не до того было, много работали и т.д. Однако этнически важная информация, в том числе содержащая указание на систему ценностей субэтнической общности, в устной традиции сохранилась и дошла до современных старообрядцев. К такой информации мы можем отнести все, что касается религии/древлеправославия.

Большинство рассказов семейских свидетельствует о том, что основным стержнем в системе ценностных ориентаций старообрядцев являлось Древлеправославие. Именно религия регламентировала всю жизнь старообрядческого села. Соблюдение религиозных норм отражалось и на фольклорной традиции старообрядцев-семейских. Если и сегодня нам приходится слышать от старообрядцев о том, что, например, рассказывать сказки – большой грех, то что уж говорить о прошлых временах, когда устои древлеправославия были намного крепче. Приводим диалог, записанный в 2001 году в с. Хасурта:

– А сказки у вас рассказывали? [Собир.]

– Ой, нет! Грех, грех сказки у нас рассказывать.

– Вообще не рассказывали? [Собир.]

– Да. Сказки – это все сверхъестественные силы, против Бога, а это все грех! Нет, не было. Нет. Нет.

– Это точно? [Собир.]

– Это точно. Это уже железно.

– Про Илью Муромца, про Бову Королевича, или хотя бы про животных, про серого волка? [Собир.]

– Нет, нет. Сказок не было. Точно.<...>

– А былички рассказывают, про колдовок там, про домовых? [Собир.]

– Ну, это-то конечно. Было. Вот колдовства боятся, порчи всякой разной, сглаза¹.

Таким образом, информант (кстати сказать, великолепный знаток и сам носитель фольклора семейских) еще раз подтвердил мысль о греховной, с точки зрения старообрядцев, природе сказочного эпоса², а все, что было «против Бога», не

¹ Зап. Тихонова Е.Л., Матвеева Т.И., Миронова Н.А. от Иванова В.Ф., 1966 г.р., с. Хасурта Хоринского района Республики Бурятия (далее – РБ), апрель 2001 г.

² Об отсутствии ранее сказок в репертуаре семейских свидетельствовали многие исследователи, начиная с П.А. Ровинского (см., например: [Ровинский, 1872]. См. также раздел монографии Л.Е. Элиасова «Прозаические фольклорные жанры семейских», где иссле-

находило места ни в религиозно-бытовой, ни в культурной жизни старообрядцев-семейских.

Потомки прежних старообрядцев рассказывают, что, отправляясь в Сибирь, в ссылку или «добровольно» переселяясь, старообрядцы, в первую очередь, везли с собой старинные иконы и «непереписанные» книги – атрибуты древлеправославного культа, позволявшие отправлять религиозные обряды.

– *А что семейские везли с собой в ссылку?* [Собир.]

– *Но дак хто его знает, мы же не знаем. Поколениев сколько прошло. По рассказам... Мы не интересовались сильно. До этого молодые были, нам не интересно было. А после уже не стало у нас отцов. Вот старообрядцы оттуда иконы вот уносили. Есть иконы лет-то шессот – больше. Уносили. И на себе вот несли, везли их сюда¹.*

Основной ценностью, материальной и духовной, для старообрядцев были иконы и богослужебные книги как знак, как символ их Веры и их страдания за Веру. Благодаря этому, старообрядцы-семейские до наших дней сохранили многие старинные иконы, древние книги и рукописные источники религиозного содержания. Учитывая, какой ценой – порой, ценой самой жизни – и в каких условиях все это сохранялось и передавалось от поколения к поколению, не вызывает сомнения тот факт, что религия/древлеправославие являлись определяющей силой/основным ценностным ориентиром в духовной жизни прежних старообрядцев².

Поэтому люди, которые в тридцатые годы прошлого столетия принимали участие в разорении церквей, истреблении икон, богослужебных книг, подвергались основной частью старообрядцев строгому осуждению, сначала тайному (по понятным причинам), а сегодня и явному. Отвечая на наш вопрос о сохранении семейскими древлеправославия, информант неожиданно перевела разговор именно в это русло:

– *Притесняли семейских. Но вот сохранили же веру?* [Собир.]

– *Но сохранили, конечно. Иконы, бывало, с избы вытаскивали, выбрасывали. Которы даже с икон делали собакам гнезда. Разве можно это? Делали, у нас старики делали. Так оне усе пропали.*

– *А почему старики-то делали?* [Собир.]

– *Так вот, таки были, не верили, что Бог есть. И у бани ставенки делали. Вот, с тридцать седьмого года вот эти старики оставались. И церкви разоряли, усё.*

– *А что им за это было?* [Собир.]

– *Ну, почти нишиши стали, больные. Всех потянуло их³.*

Информация о том, что некоторые старообрядцы делали из старинных икон собакам будки («гнезда») очень нас удивила⁴, на что информант дала подтверждение: «Делали, у нас старики делали⁵. <...> И у бани ставенки делали».

Из истории известно, что в 20 – 30-е годы XX века молодежь особенно активно начала отходить от религии, вполне искренне считая ее заблуждением от-

дователь пишет: «На протяжении многих лет фольклористы пытались разыскать у старообрядцев сказки, но успеха не достигли» [Элиасов, 1969, с. 98]).

¹ Зап. Тихонова Е.Л., Миронова Н.А., Козина О.М. от Лобозерова П.Т., 1925 г.р., с. Б. Куналей Тарбагатайского района РБ, июль 2001 г.

² Чего мы в полной мере не можем сказать о современных старообрядцах, но движение в этом направлении у семейских наблюдается, так как происходит восстановление религиозной жизни семейского села.

³ Зап. Тихонова Е.Л., Матвеева Т.И., Миронова Н.А. от Филипповой П.А., 1929 г.р., с. Хасурта Хоринского района РБ, апрель 2001 г.

⁴ Удивление свое мы выразили невербально.

⁵ В тридцатые годы эти старики, конечно же, были молодыми парнями.

цов и дедов, и принимала активное участие в разорении церквей и уничтожении церковной утвари. В фольклорной прозе старообрядцев, повествующей об этих событиях, традиционными являются мотивы разорения церквей («церкви разорили») и неизбежно следующего за этим наказания (все «пропали» / стали больными, нищими).

Современные старообрядцы осознают, что во времена раскола и в дальнейшем их предки предпочли принятию новых церковных канонов, «другой веры» страдания «за веру Христову», дальний путь в неизведанные края. Причем следует отметить, что старообрядцами традиционное¹ православие осмысливается именно как *другая* (читай – чужая) вера, противопоставленная *своей, Христовой*:

– *Ссылали их за веру Христову. Там вера другая стала, а это, за веру <...> сюда отправляли*².

– *Старообрядцы шли, когда Екатерина пужнула. Они веру не приняли, молиться Богу, вот она их оттуда пужнула. Они и шли*³.

– *Сюды сосланные были люди. Семьями.... Семьями сюды ссылали.* [Зеленкин П.С.]

– *А за что ссылали?* [Собир.]

– *За веру, наверно. Крестятся православные тремя перстами, а наши двумя, полагается, крестятся. Вера, вера. За это и ссылали. Раскол был какой-то в этом, в православии. Поэтому вот. Когда это было! Давно!* [Сучков С.П.]⁴.

– *Это когда при Никоне было, ссылали.*

– *А за что их ссылали?* [Собир.]

– *Ну дак они веру-то... Вера-то была совсем другая, семейская. Они давай крестить в эту (в православную⁵ – Е.Т.). Они не согласились, и все. Кержаки, так называются. И сослали сюда семьями. Сжигали некоторых на костре.*

– *А почему они веру не приняли?* [Собир.]

– *Ну, не хотели, и все. Не понравилось*⁶.

– *Никон, Патриарх, веру, это, раскол. И вот сделали, что, вот, они давай от него убежать. Никон этот, патриарх. Он старый же был. Но и вот, семейских прижимать, перегонять. Оне давай убежать по всей России. Сюда-то сослали усяких людей негодных [неугодных. – Е.Т.], которы верующише*⁷.

– *Никон же када переменил этот их устав-то, старинный-то устав переменил, изменили устав, моления. Никон с Петром, однако, сделали. И вот люди-то, навроде, не пошли за этой верой. Их сослали в Польшу*...⁸.

В рассказах старообрядцев, содержащих мотив раскола, явно прослеживаются оппозиции «свое – чужое», «старое – новое». Ценностные ориентиры рассказчиков направлены на «свое/старое», на соблюдение религиозных и бытовых традиций своих предков. Во всем цикле рассказов старообрядцев оппозиции «свое –

¹ Хотя вернее было бы говорить как о традиционном о Древнем православии.

² Зап. Тихонова Е.Л., Миронова Н.А. от Чистяковой А.П., 1916 г.р., с. Десятниково Тарбагатайского района РБ, декабрь 1998 г.

³ Зап. Матвеева Т.И., Миронова Н.А. от Варфоломеева С.А., 1930 г.р., с. Никольское Мухоршибирского района РБ, июль 2000 г.

⁴ Зап. Тихонова Е.Л., Миронова Н.А. от Зеленкина П.С., 1926 г.р., Сучкова С.П., 1934 г.р., с. Б. Куналей Тарбагатайского района РБ, июль 2001 г.

⁵ В Забайкалье старообрядцы себя называют семейскими, а приверженцев традиционного православия – православными или сибиряками.

⁶ Зап. Тихонова Е.Л., Матвеева Т.И., Миронова Н.А. от Иванова А.И., 1918 г.р., с. Хасурта Хоринского района РБ, апрель 2001 г.

⁷ Зап. Тихонова Е.Л., Матвеева Т.И., Миронова Н.А. от Шевченко З.Н., 1930 г.р., с. Хасурта Хоринского района РБ, апрель 2001 г.

⁸ Зап. Матвеева Р.П., Матвеева Т.И., Кушнарева Л.Л. от Родионовой Е.И., 1926 г.р., с. Куйтун Тарбагатайского района РБ, июнь 2002 г.

чужое», «старое – новое» выходят на новый уровень противостояния – «старообрядчество – новообрядчество». В фольклорных текстах эта оппозиция проявляется на уровне соблюдения/несоблюдения религиозных, а также морально-этических норм: старообрядцы соблюдают/соблюдали раньше – новообрядцы не соблюдают. Известно, например, что у некоторых старообрядческих согласий¹ довольно долго существовал запрет не только на съемку в кино или на телевидении, но и на фотографирование. Ортодоксальные старообрядцы не фотографировались даже на паспорт, так как считалось, что запечатленным для лицезрения мог быть только Лик Господень².

Показателен в этом отношении следующий диалог:

– У нас, у семейских, совсем по-другому.

– А как? [Собир.]

– У нас щас, если ты Богу молишься, ты ни в телевизоре не должен сниматься, ни петь, ни плясать.

– И до сих пор так? [Собир.]

– А теперь-то все перепуталось.

– Но петь-плясать нельзя было? [Собир.]

– Да, очень строго. А сейчас, я посмотрю, Алексей-то наш, он иде (где. – Е.Т.) хошь у этом... он снимается везде, усё.

– А ваш старообрядческий митрополит Александр³, он нигде не снимается? [Собир.]

– Но-о-о, ты че!⁴

Постепенно происходящая трансформация официальной православной церкви в сторону ее обмирщения, отход от единого церковного канона вызывают неодобрение современных сторонников «древнего благочестия».

Но и отход от религиозных традиций самих старообрядцев также признается ими и также подвергается порицанию. Декларируя в своих рассказах религиозные и бытовые установки, нормы поведения, современные старообрядцы постоянно указывают на то, что раньше все было намного строже, а значит упорядоченнее, что после революции многие религиозно-бытовые запреты стали нарушаться и жизнь от этого становилась греховной, а посему непонятной и бессмысленной. Рассказывая о том, какие усилия прилагали «деды наших дедов» при освоении новых земель за Байкалом, информант делает ремарку: «А теперь вот как стало – хлебом кормят, хоть и не работаем». С традиционной точки зрения, нарушена логика, жизненный принцип «Кто не работает, тот не ест». И далее информант продолжает: «Раньше говорили, что было писано, что в восьмой тысяче лет люди будут детей пожирать. А мы думали: “Как это – пожирать детей?” А вот теперь пожирают. Один-два, да и запечатывают, аборт делают, безбожники! А раньше-то грех какой был!»⁵ Несмотря на объективные изменения в жизни старообрядцев, в их мировосприятии явно ощущается ориентированность на традиции прошлого, порицание «греховного» образа жизни.

Старообрядческие религиозные нормы от поколения к поколению передавались закреплёнными в знаковых/символических формах, определяющих в том

¹ Например, бегунское согласие.

² Информация получена от Шевченко З.Н, 1930 г.р., которая сама никогда не фотографировалась и поэтому не имеет паспорта и одна из последних на селе постоянно носит семейскую одежду, с. Хасурта Хоринского района РБ, апрель 2001 г.

³ Митрополит Московский и всея Руси Алимпи́й (в миру – Александр Капитонович Гусев).

⁴ Зап. Тихонова Е.Л., Миронова Н.А. от Мясниковой А.Е., 1926 г.р., с. Б. Куналей Тарбагатайского района РБ, июль 2001 г.

⁵ Зап. Потанина Р.П., Гаврилова Р.А. от Сластиной С.А., 1898 г.р., с. Б. Куналей Тарбагатайского района РБ, апрель 1971 г. (ЦВРК ИМБТ, инв № 2142, п. 6, л. 142).

числе и внешний вид человека, и способ его поведения. Хорошо известно, например, что взрослые мужчины-старообрядцы не брили бороды, и борода стала одним из знаков/символов неприятия старообрядцами нововведений не только в религии, но и в быту, который опять-таки регламентировался религиозными нормами. Символы в народной, и в том числе в религиозной культуре настолько значимы, что в фольклорном тексте отказ брить бороду отождествляется со старообрядческим вероисповеданием: в Сибирь ссылают не за саму веру, а за нежелание брить бороду:

– *Нас, семейских, семьями выгнали оттуда (из Польши. – Е.Т.), вот семейские так и называются. Почему? Потому что дед, бабка, сыновья: бороду не хошь брить – марш в Сибирь, там тебе!*

– *А почему деды бороды брить не хотели?* [Собир.]

– *А поверие такое. Вера Божия*¹.

В бритье бороды старообрядцы видели отход от религиозных и морально-этических традиций своих предков. Вот что об этом нам рассказали в с. Хасурта:

– *Обязательной принадлежностью каждого мужчины была борода. Уставщики говорили, что Бог на иконах изображен с бородой, а человек – это подобие Божие, поэтому что Бог дал, то и должно быть, естественно. Поэтому все носили бороду. И даже когда служили в армии (сбривали бороды) и приезжали домой – пока не отрастала борода, в переднем углу, под иконами, кушать не сиделись, ели за печкой где-то. Вот такая строгость была*².

С точки зрения соблюдения старообрядцами религиозно-этических норм интересен рассказ информанта о том, как раньше ходили в старообрядческую церковь (а церковь, как и любой другой храм в любой другой религии, является главным знаком/символом веры):

– *А здесь же тоже была церковь (в Б. Куналее. – Е.Т.)?* [Собир.]

– *Была, здесь вот.*

– *Она была старообрядческая?* [Собир.]

– *Старообрядческая. Ешо маленькие были, такие небольшие, подростки, семейскую одежду одевали, сарафан и бабы у кичках, ходили у церковь. А нам такую бумажку заворачивали, большую шаль надевали нам. Шибко красиво! Нравилось. У церкви было чисто. Туда в туалет ходить... там туалет был во дворе. Туда пойдешь. Потом оттуда идешь – умывальник, полотенце висит, после туалета руки помоешь, обмокнешь. И потом, это, молишься*³.

Подобное поведение: облачение в праздничную семейскую одежду, мытье рук перед входом в церковь – показывает трепетное отношение старообрядцев-семейских к своей церкви как главному знаку/символу Древлеправославия.

Как уже отмечалось, древлеправославие, являясь главной ценностью в иерархии ценностей старообрядцев, регламентировало поведение людей на всех уровнях духовной и обыденной жизни. Подобная регламентированность отразилась и на общении семейских с коренным населением Забайкалья – бурятами. Стремление старообрядцев-семейских сохранить «чистоту веры» в иноэтническом окружении определяло их отношения с людьми другой национальности и соответственно другой религии. В рассказах современных старообрядцев устойчивым является мотив запрета на прием пищи за одним столом/на пользование одной посу-

¹ Зап. Кушнарева Л.Л., Жарникова Н.В. от Ястреба Г.А., 1929 г.р., с. Бичура Бичурского района РБ, июль 2003 г.

² Зап. Тихонова Е.Л., Матвеева Т.И., Миронова Н.А. от Иванова В.Ф., 1966 г.р., с. Хасурта Хоринского района РБ, апрель 2001 г.

³ Зап. Тихонова Е.Л., Миронова Н.А. от Мясниковой А.Е., 1926 г.р., с. Б. Куналей Тарбагатайского района РБ, июль 2001 г.

дой с иноверцами. Этот мотив является отражением религиозных убеждений и бытовых реалий прежних старообрядцев. По их верованиям, садиться за один стол/есть из одной посуды с некрещеным человеком считалось большим грехом.

– *А если бурят заходил в избу к семейским, как его встречали?* [Собир.]

– *Но, встречали, а шишитали за грех. Его особо кормили, особо. Чашка особая, все было особо. Накормили, да и усё. Грех шишитали бурят принимать.*

– *А эту особую посуду куда девали?* [Собир.]

– *Клали, прибирали особо. На другую полочку или куды ли положат. Но они же приезжали, потом опять им же с этой же посуды кормили¹.*

– *А если бурят заходил в избу к семейским, как его встречали?* [Собир.]

– *Как обычно.*

– *За один стол усаживали с собой?* [Собир.]

– *Нет, нет, не сажали. Лавку, стул. Здесь стол, здесь мы же сидим, а здесь ему. Дают тарелку или чашечку, красива чашечка, чай наливали или суп нальют ему. Больше чай в чашечку. А теперь всё за одно.*

– *Потом эту посуду хранили?* [Собир.]

– *Хранили. Так она и хранилась, так и называлась «бурятская чашечка».*

– *А сами из этой посуды не ели?* [Собир.]

– *Не. Грех.*

– *А почему грех?* [Собир.]

– *Потому что он не крещеный, вот. Грех. Щас все... Раньше вообще было грех. Поэтому шишитали, что это грех².*

Как видим, близкое общение семейских с иноверцами в прежние времена находилось под запретом даже на бытовом уровне, что нашло свое отражение в фольклорных текстах. Подобный запрет, с одной стороны, являлся формой следования традиционным старообрядческим религиозным устоям, а с другой стороны, в иноэтнической, инорелигиозной, иноязыковой среде способствовал сохранению основ древлеправославия.

Итак, для старообрядцев Забайкалья (семейских) основным культурным концептом, духовной константой долгое время являлось Древлеправославие. Религиозно-духовное начало старообрядцев не могло не отразиться на их фольклоре как форме сознания и форме отражения специфических черт менталитета народа. В фольклорной традиции старообрядцев-семейских наблюдается стремление сохранить древнерусские корни. «Базовым, основным для мировосприятия старообрядцев, – пишет по этому поводу исследовательница народной культуры сибиряков Р.П. Матвеева, – была приверженность старине. Культура старообрядцев тщательно сохраняла связь с духовно-культурным наследием Древней Руси, с многовековыми народными культурными традициями» [Матвеева, 2005, с. 48]. И поддерживать эту связь помогало строгое следование древлеправославным канонам, которые фиксировались и передавались от поколения к поколению, в том числе и в фольклорных формах.

Литература

¹ Зап. Тихонова Е.Л., Миронова Н.А. от Сучковой М.Е., 1933 г.р., с. Б. Куналей Тарбагатайского района РБ, июль 2001 г.

² Зап. Тихонова Е.Л., Миронова Н.А. от Сластина Л.А., 1912 г.р., с. Б. Куналей Тарбагатайского р-на РБ, июль 2001 г.

Матвеева Р.П. Народно-поэтическое творчество старообрядцев Забайкалья (семейских). Улан-Удэ, 2005.

Ровинский П.А. Этнографические исследования в Забайкальской области // Известия СО РГО. 1872. Т. 3. № 3.

Элиасов Л.Е. Народная поэзия семейских. Улан-Удэ, 1969.